ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-3.1
УДК 330.1
JEL A12, B10, B41, B50, D02, D23, H10, H40, P00

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Альтернативные подходы к анализу отношений собственности[1]

Виталий В. БИРЮКОВ
Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Для цитирования: Бирюков, В. В. (2025). Альтернативные подходы к анализу отношений собственности. *AlterEconomics, 22*(3), 377–398. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-3.1

Аннотация. В общественных дискуссиях одной из центральных тем становится проблема понимания отношений собственности. В статье рассмотрены фундаментальные изъяны доминирующей либеральной (неоинституциональной) теории «пучка прав собственности», базирующейся на приоритете частных интересов и инструментальном анализе. Подчеркивается значимость современной волны разработки социальной (неортодоксальной) теории собственности, в рамках которой конструкция «пучка прав собственности» определяется ценностями и интересами общества. Данная теория ориентирует на познание отношений собственности как части социальных отношений и особой роли государства в их конструировании, что способствует активному практическому использованию её рекомендаций, направленных на достижение баланса интересов. Показано, что в отличие от либеральной и социальной теорий собственности парадигмальные основы классической трудовой теории собственности позволяют разрабатывать эндогенные описания исходя из того, что частные владельцы в силу двойственности их интересов используют свои объекты собственности для производства совокупного продукта общества, выступающего верховным собственником. Предлагаемая перспектива соответствует сложившемуся в классической трудовой теории собственности пониманию общественной собственности как фундаментальной основы экономических отношений и согласуется с представлениями неортодоксальных исследователей о наличии феномена глубинной общественной собственности (*deep public ownership*). В то же время она расширяет проблемное поле с учётом важности изучения субстанционального и институционального аспектов, ориентируя на трансформацию прав и обязанностей собственников и институционального устройства национальной экономики с позиции приоритета интересов общества и с учётом формирования нового мирохозяйственного уклада.

Ключевые слова: институционализм, теории собственности, пучок прав собственности, верховный субъект собственности, государство, общественная собственность, частная собственность

[1] © Бирюков В. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Alternative Approaches to the Analysis of Property Relations

Vitaly V. BIRYUKOV ✉
Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

For citation: Biryukov, V. V. (2025). Alternative Approaches to the Analysis of Property Relations. *AlterEconomics, 22*(3), 377–398. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-3.1

Abstract. Contemporary debates increasingly address the problem of understanding property relations. The article shows that many social sciences still draw on a nineteenth-century paradigm, shaped by Hegel, which assumes private owners are guided primarily by selfish interests, producing eclectic institutional interpretations of ownership. Within this framework, the paper highlights major flaws in the dominant liberal (neo-institutional) "bundle of rights" theory, which prioritizes private interests and treats property as an instrumental construct. The article emphasizes the significance of the modern wave of social (unorthodox) property theory, which views ownership as part of broader social relations and underscores the state's role in shaping institutions to balance interests. Yet it is argued that the classical labor theory of property provides stronger paradigmatic foundations, offering an endogenous understanding of ownership. It rests on the duality of private owners' interests: while seeking personal benefit, they also use property to produce society's aggregate product, with society acting as the ultimate owner. This perspective frames public property as the basis of economic relations, resonates with unorthodox notions of deep public ownership, and expands the field of inquiry. It directs attention to the transformation of rights, obligations, and economic institutions in line with societal priorities and an emerging global order.

Keywords: institutionalism, property theories, beam of property rights, supreme subject of property, state, public property, private property

1. Введение

Парадигмальные перемены в современном мироустройстве, связанные с качественно новыми экономическими, социально-политическими и экологическими вызовами, сопровождаются обсуждениями и фундаментальной переоценкой методологий и принципов, лежащих в основе экономических теорий и моделей (Herfeld et al., 2023; Балацкий, 2025). Понимание представителями разных исследовательских программ особой роли института собственности в формировании общественных систем приводит к тому, что проблематика собственности становится одной из ключевых тем в дискуссиях. При этом указывается на изобилие доказательств того, что построение современной экономики в результате использования установок экономического мейнстрима способствует доминированию богатой части населения над более уязвимыми социальными группами, такими как рабочие, потребители, граждане менее развитых стран (Bromley, 2019; Claassen, 2024).

Как подчеркивает академик С.Ю. Глазьев, для изучения системы отношений, складывающихся в рамках нового мирохозяйственного уклада, необходим кардинальный пересмотр понятия собственности, поскольку фундаментальным признаком производственных отношений нового уклада является доминирование общественных интересов над частными. В результате данный уклад приобретает социалистические признаки, и социалистическая идеология вновь становится доминирующей (Глазьев, 2024). В российских исследованиях, бизнес-образовании и бизнес-практике сложилась упрощённая трактовка института собственности во многом под влиянием идей прорыночного неолиберализма. При этом на периферии внимания отечественных учёных остаётся формирование в зарубежных

странах современной волны неортодоксальных исследований, в которых оспаривается мейнстримовская интерпретация собственности.

Неортодоксальные исследователи указывают на то, что многие проблемы, фундаментальные для построения экономико-правовых систем собственности, требуют внимания к нормам, ценностям и образу жизни общества, а также роли государства (Hodgson, 2015; Alexander, 2018). В связи с этим подчеркивается важность разработки прогрессивной теории собственности, учитывающей системную природу прав собственности и социальные обязанности собственника (Babie & Viven-Wilksch, 2019; Walsh, 2021). В рамках проводимых исследований фокусируется внимание на связи частной собственности с идеями существования коллективной и общественной собственности; на данной основе происходит переосмысление фундаментальных представлений о собственности и рассмотрение права собственности суверенного народа на ресурсы как исходной предпосылки разработки конкретных законов (Nili, 2023; Terrill, 2024). Кроме того, сформировалось исследовательское направление, связанное с выходом за рамки традиционной трактовки цели бизнеса и бизнес-связей исходя из того, что она слишком перекошена в сторону интересов частных собственников (Valentinov, 2023).

Распространенные теории собственности, различным образом описывающие институциональные связи, складывающиеся между людьми по поводу объектов собственности, остаются эклектичными и фрагментарными, поскольку опираются на ограниченные версии институционального подхода (Бирюков, 2023). При этом вне должного внимания остаются парадигмальные особенности классической трудовой теории собственности. Важно также учитывать, что результаты современных исследований отношений собственности как части социальных отношений способствуют более содержательному пониманию их социальной природы и роли государства в формировании экономической системы, создавая важные предпосылки для смены познавательной парадигмы.

В связи с этим целью статьи является разработка парадигмальных основ исследования института собственности как фундаментальной основы экономической системы с учётом сложной связи частных и общественных интересов. Основные задачи заключаются в выявлении концептуальных особенностей логики изучения института собственности в рамках либеральной (неоинституциональной), социальной (неортодоксальной) и классической теорий, а также в разработке парадигмального подхода к изучению общественного института собственности как системообразующей основы формирования институциональной экономики.

2. Методология исследования

Проблематика собственности в силу междисциплинарного характера привлекает внимание представителей разных областей общественной науки. При всех расхождениях распространенные в настоящее время подходы к анализу собственности опираются на общее парадигмальное видение, которое сложилось в XIX в. во многом под влиянием трактовки Г. Гегелем (1770–1831) гражданского общества. В соответствии с этой трактовкой в гражданском обществе частные собственники руководствуются в своих действиях только частными интересами и у них отсутствуют общие интересы. Поэтому «гражданское общество является ареной борьбы частных индивидуальных интересов, войны всех против всех» (Гегель, 1990, с. 330). В такой познавательной парадигме деятельность государства выступает как не-

экономическая по своей сути внешняя деятельность, как вмешательство в экономику (Бирюков, 2024). В результате отношения собственности требуется рассматривать как предмет юриспруденции, поскольку они возникают и меняются благодаря законодательной деятельности государства.

Использование в качестве парадигмальной основы одномерной трактовки экономических интересов субъектов неизбежно приводит к необходимости привлечения при описании института собственности экзогенных версий междисциплинарного подхода (Бирюков, 2023). Для выхода из когнитивной ловушки изучения экономических отношений собственности предлагается использовать подход, разработанный классиками политэкономии. Данный подход учитывает двойственный характер экономических интересов субъектов и ориентирует на познание эндогенных механизмов формирования отношений собственности.

3. Неоинституциональная версия либеральной теории собственности

Доминирующая сегодня либеральная концепция собственности часто связывается с представлениями римских юристов, которые считали, что собственность состоит из «пучка» прав; владелец может передать часть своих прав, оставаясь собственником. По существу, либеральная трактовка собственности была сформулирована в Кодексе Наполеона, в соответствии с которым собственность — это право распоряжаться и пользоваться вещами любым способом, не запрещенным законами и правилами. Неоклассические описания экономики опирались на моноструктурную модель собственности («одно право — одна вещь»). В неоинституциональной теории, у истоков которой стояли Р. Коуз, А. Оноре, А. Алчиан и Г. Демсец, построение собственником «пучка» прав и обязанностей становится центральной проблемой исследований. При этом неизменно утверждается, что четко определенные права собственности влияют на экономическое развитие, поскольку система прав собственности устанавливает стимулы и сокращает расходы, связанные с инвестициями в физический и человеческий капитал, производство и обмен. Но проблема, как подчеркивает Д. Бромли, состоит в том, что либеральная теория собственности находится в ловушке идеологии собственнического индивидуализма или идеи о том, что «прогресс» исходит из частной собственности (Bromley, 2019).

Неоинституциональная теория собственности сложилась во многом на основе идей английской правовой системы, в которой сохранился подход, используемый при построении феодального института собственности как совокупности частичных правомочий. Неоинституционалисты исходят из того, что собственник выбирает структуры прав собственности на основе эгоистичных предпочтений, максимизируя полезность с учётом неопределённости, издержек агентских отношений и влияния внешних факторов. В результате при построении структуры управления компанией используются разные версии сложноструктурной модели собственности, которая характеризует отношения главного владельца объекта собственности с другими частичными (производными) владельцами-собственниками (Sabri et al., 2024). В общем виде неоинституциональную теорию собственности можно описать в виде следующей схемы:

интересы главного собственника ==> институциональная структура «пучка» прав собственности ==> структура стимулов ==> результат.

Как указывают представители неортодоксальных исследований, фундаментальный недостаток неоинституциональной теории собственности связан с тем, как в ней рассматривается идея самой собственности. В этой теории права собственности объясняются с точки зрения отношений человека к человеку по поводу вещей, и она в первую очередь касается индивидуальных стимулов, а не общественного института собственности как такового. Отсутствие реалистичного понимания этического, социального и институционального аспектов позволяет ошибочно относиться к правам собственности. При этом не учитывается, что выбор «пучка прав» собственности может получиться разным в зависимости от особенностей социальных отношений и социальных взаимодействий (Singer, 2014; Hodgson, 2015).

Неоинституциональный подход к описанию мировой экономической истории, основанный на рассмотрении ключевой роли собственности в эволюции экономических и политических институтов, предложили Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст, а также Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон (Норт и др., 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2015). Присуждение Нобелевской премии по экономике в 2024 г. Д. Аджемоглу, С. Джонсону и Дж. Робинсону часто рассматривается как подтверждение фундаментальной значимости подхода к изучению процессов долгосрочного экономического развития и важнейших закономерностей, связывающих экономическое развитие с политическими и социальными институтами (Егоров, 2025). Неоинституциональная логика сегодня активно используются для осмысления проблем развития мировой и российской экономики. Однако выполненные работы сохраняют фундаментальные изъяны, свойственные неоинституциональному анализу прав собственности, хотя они стали более детализированными, опирающимися на математические модели и развитый аппарат эмпирических исследований. В связи с этим многими исследователями отмечается методологическая узость, концептуальная противоречивость и историческая неадекватность эволюционно-неоинституциональной теории (Полтерович, 2018; Капелюшников, 2019а; Бузгалин, Колганов, 2019; Hodgson, 2017; McCloskey, 2023).

Важнейшей причиной, обусловливающей концептуальную противоречивость и историческую неадекватность интерпретаций неоинституционального подхода к анализу экономической истории, является опора на монокаузальную логику. В таком подходе используется «жёсткая» версия зависимости траектории развития экономики от прошлого пути. В данной версии изменения социокультурных переменных (ценностей, идей и др.) зависят от политико-экономических институтов (Acemoglu & Robinson, 2021, 2022). Вместе с тем сторонники альтернативных теорий доказывают, что социокультурные переменные могут выступать не только в качестве зависимых от институтов, но и в качестве факторов, которые определяют смену траектории институционального развития экономики в результате реализации идей и пересмотра сложившихся ценностных представлений (Rodrik, 2014; Капелюшников, 2019а, 2019б; Hodgson, 2022; McCloskey, 2023).

Центральным элементом эволюционно-неоинституциональной теории является предположение, что в аграрных обществах права собственности не были защищёнными, а создание защищенных прав собственности в Англии после Славной революции привело к экономическому росту, вызванным переходом к индустриальной экономике. Однако не только современные, но и ранние государства не могут существовать без достаточно защищенных прав собственности, т. к. иначе наступает хаос и крушение государства. Многочисленные исследования показывают,

что в период Средневековья и раннего Нового времени основной проблемой развития была не защищенность прав, а их феодальная природа. Экономический рост в Англии не был связан с внезапным переключением от незащищенных к защищенным правам владения ресурсами. Его практически не затронули постепенные изменения, происходившие в режиме прав собственности. Кроме того, несмотря на многочисленные технологические инновации, с 1760 по 1820 гг. промышленный рост был на удивление низким (Deakin, 2009; Ogilvie & Carus, 2014; Hodgson, 2017, 2021). Анализ 100 показателей развития Англии также свидетельствует о том, что важнейшие изменения в области прав собственности и финансов происходили до промышленной революции (Grajzl & Murrell, 2021a, 2021b).

Научная риторика Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, как пишет Д.Н. Макклоски, выступает преимущественно «эмпирическим монологом», «в основном без комментариев, или опровержения, или цитирования теорий других исторических, политических и экономических ученых». Эта риторика характеризует то, «что мы думали до 1991 г., и то, чему меня учили как студента по экономике в 1960-х годах о порочном круге бедности в Индии и в Китае». Но при этом нет объяснения колоссального экономического рывка, которые совершили данные страны в последние тридцать лет (McCloskey, 2023).

4. Социальная (неортодоксальная) теория прав собственности

Неортодоксальное направление изучения собственности сформировалось на основе идей мыслителей Древнего мира, Средневековья и немецкой исторической школы. Эволюция представлений о собственности отражает особенности познания сложной связи частных и общественных интересов, регулируемой государством. При этом большинство мыслителей считало, что для обеспечения устойчивости государства требуется создавать законы, соответствующие общему благу (Мартышин, 2018). В римском праве уже в V в. до н. э. была заложена республиканская традиция (от лат. *res publica* — «общее дело», «общее благо», «общее достояние»), учитывающая двойственную природу интересов человека и связанная с делением права на частное и публичное. Римское право имело надежную доктрину общественного права с не менее пятью типами юридического определения и защиты общего достояния (Domènech & Bertomeu, 2015). В дальнейшем доктрина о разделении права на публичное и частное стала рассматриваться учеными средневековья (Laín & Manjarín, 2022; Bosselmann, 2024). В XVII–XVIII вв. в связи с разграничением понятий «общество» и «государство» утвердилось представление о народе как верховном субъекте власти, которое признаётся фундаментальным (конституционным) принципом права (Nili, 2023).

В XIX в. в ходе дискуссий, касающихся путей изменения форм собственности и трансформации на этой основе аграрно-феодального общества в индустриально-капиталистическое, представители немецкой исторической школы в русле римской республиканской традиции сформировали альтернативный неоклассике познавательный подход. В рамках данного подхода Ф. Лист (1789–1846) указал на необходимость построения суверенной индустриальной экономики на основе проведения государством институциональных изменений, способствующих развитию приоритетных её отраслей и частного предпринимательства. При этом Г. Шмоллер (1838–1917) подчеркивал важность создания государством справедливых народнохозяйственных институтов, в т. ч. и института собственности, в соот-

ветствии с ценностными представлениями и интересами общества. В русле идей исторической школы в Германии О. Бисмарк проводил политику таможенного протекционизма и регулирования рабочего законодательства.

Острый аграрный кризис, возникший в Европе в 1880-х гг., вызвал необходимость проведении земельных реформ, обеспечивающих более равное и рациональное распределение земельный ресурсов. В этих условиях возникло неортодоксальное направление, подчеркивающее связь права собственности с социальными отношениями и его историческую изменчивость (Di Robilant, 2023). Так, французский юрист Л. Дюги (1859–1928) с позиции теории солидаризма обосновал необходимость анализа собственности в рамках концепции её социальной функции. Он указывал, что защита прав собственника предполагает и выполнение собственником обязанностей, обусловленных его общественной ролью. Если собственник свои обязанности не выполняет (например, отказывается от обработки земли), то правительство в праве побудить его выполнять свою социальную функцию (Дюги, 1919, с. 19). В рамках данной логики стало меняться законодательство во многих странах. Например, в Италии ещё с 1920-х гг. на землевладельцев законом о мелиорации возлагалась обязанность улучшать и обрабатывать свою землю.

В современных исследованиях указывается на то, что социальные отношения требуется рассматривать в качестве фундаментальной платформы построения «набора» прав собственности, поскольку частная собственность выражает отношения членов общества по поводу объектов общественного богатства (*objects of social wealth*). Институт частной собственности наделяет собственников определенной степенью контроля и некоторой мерой обязательств при пользовании объектами общественного богатства. Поэтому общие социальные цели частной собственности как института и частные социальные цели, относящиеся к данному ресурсу, являются необходимой предпосылкой понимания частной собственности (Lametti, 2003; Alexander, 2018; Di Robilant, 2023).

Разработка социальной теории отношений собственности сегодня ориентирована на учёт их реальной сложности и разнообразия, а также особой роли государства. Собственность предлагается интерпретировать как дерево со стволом, который образует ядро правовых отношений. Каждая из его ветвей требует баланса разных ценностей, которые определяются социальной природой собственности и выступают в качестве разнообразных пакетов прав и обязанностей, специфичных для конкретных ресурсов. Признание собственности социальным институтом позволяет государству рассматривать собственность как переменный набора прав и обязанностей, а не их фиксированный пакет (Crawford, 2011; Di Robilant, 2023). Идеи социальной теории собственности с середины прошлого века всё больше применяются в разных странах при решении проблем землепользования, экологии, переустройства городов и других, связанных с необходимостью поддержания баланса частных и общественных интересов при реформировании прав собственности (Mualam & Sotto, 2020; Walsh, 2021; Calo et al., 2024).

Критики либеральной теории собственности указывают, что эта теория, абсолютизируя значимость индивидуальной свободы и свободного рынка, обеспечивает защиту прав небольшой и привилегированной группы людей и используется для оправдания усиливающегося социального неравенства и разрыва в богатстве во всем мире (Claassen, 2024; Dehaibi, 2024). Социальная теория по сравнению с либеральной теорией собственности способствует более полному охвату её социаль-

ных и институциональных аспектов, поскольку в ней используется следующая логическая схема:

ценности и интересы общества ==> институциональная структура «пучка» прав и обязанностей использования объектов общественного богатства ==> структура стимулов ==> результат.

Неортодоксальные (оригинальные) институционалисты указывают на концептуальные отличия предлагаемого ими подхода от неоинституционального подхода к исследованию роли собственности в формировании институциональных систем. В связи с этим Дж. М. Ходжсон подчеркивает необходимость учёта того, что человеческая мотивация включает нормативный и инструментальный аспекты. В экономическом мейнстриме основное внимание уделяется инструментальному аспекту в распределении прав собственности, сторонники марксизма акцентируют внимание на появлении социальных классов с дифференциальным контролем над объектами собственности. Но в этих подходах не хватает ключевого элемента — институционально-законных прав собственности (Hodgson, 2015). Для исторического анализа сложных сообществ важно принимать во внимание, что институциональные права собственности возникают в них только при поддержке государства, обладающим легитимной властью. Поэтому право не может быть отнесено к «надстройке». Государство выполняет особую роль в создании институционального законодательства, поддержании системы собственности, социальной, экономической и правовой эволюции (Hodgson, 2015; Deakin et al., 2017).

Неортодоксальные институционалисты указывают, что для понимания изменения институциональных систем требуется рассматривать права собственности как социальные конструкции, которые возникают под влиянием сложившихся в обществе идей, убеждений и ценностей, а также политики государства (Hodgson, 2022; Hingl & Shera, 2025). Так, Дж. Мокир доказывает, что среди ключевых факторов, вызвавших промышленную революцию в Европе, был существенный сдвиг ценностных ориентациях фабрикантов и правящих элит в столетия до и во время промышленной революции (Mokyr, 2018). При этом исторически институты частного порядка не заменяли публичных порядков, позволяя рынкам функционировать (Ogilvie & Carus, 2014). Современное общество, как пишет И. Муртазашвили, при решении проблемы рационального распределения своих ресурсов имеет дело со многими имущественными соглашениями, выходящими за рамки частной собственности. В связи с этим важно сформулировать обобщенную конструктивистскую теорию собственности, позволяющую выйти из ловушки собственнического индивидуализма и объяснять разнообразие прав собственности и процесса их изменения с участием государства в рамках общего континуума (Murtazashvili, 2023).

Для современной политической мысли, как подчеркивает Ш. Нили, фундаментальным является положение о том, что государство и его законы должны представлять, а не заменять суверенитет народа. Однако «белым пятном» политической теории остаётся связь суверенной власти народа с собственностью. Вместе с тем следует учитывать, что суверенная власть народа переплетена с его правами собственности, поскольку его моральная власть создавать права частной собственности на объекты подразумевает притязание на то, чтобы быть конечным владельцем всех данных объектов. В связи с этим в качестве исходного пункта анализа отношений собственности требуется рассматривать модель глубинной обществен-

ной собственности (*deep public ownership*). В данной модели суверенный народ («общественность») является фундаментальным владельцем всех ресурсов в рамках его юрисдикции, а частные владения выступают производными от общественных, что явно согласуется с пониманием общественной собственности как фундаментально коллективной. Такой концептуальный подход ориентирует на познание существующих практик конструирования разных форм собственности и помогает лучше увидеть коллективные требования, соответствующие общественной природе собственности, а также расширяет сферу обязанностей правительства по поддержанию равенства всех граждан (Nili, 2019, 2023, 2024).

При разработке обобщенной теории собственности сегодня обращается внимание на важность учёта её исторических, политических и философских аспектов и пересмотра концептуальной триады собственности, в рамках которой государственная, частная и общая собственности рассматриваются как взаимоисключающие режимы владения. В связи с этим показывается, что эти режимы могут быть лучше поняты как часть общего континуума в свете республиканской традиции, сложившейся на основе классического республиканского римского права. В русле республиканского понимания частного присвоение ресурса последний выступает как публичный в агентских отношениях: частный владелец является просто доверенным лицом общественного или суверенного имущества. Суверен (монарх или народ) — это главный общенациональный владелец («доверитель»), а частный владелец — агент («доверенное лицо») в фидуциарных социальных отношениях, называемых собственностью. Республиканская структура описывает «публичные» и «частные» режимы собственности как части одного и того же фидуциарного обоснования, что приводит к новым институциональным соглашениям в зависимости от каждого исторического и экономического контекста. Республиканские принципы и связанные с ними социалистические идеи важны для понимания общих основ конструирования прав собственности, потому что обе традиции понимали государственные, частные и общинные режимы собственности как компоненты одной и той же фидуциарной логики, которая учитывает различные институциональные условия, согласно каждому историческому контексту (Domènech & Bertomeu, 2015; Laín & Manjarín, 2022).

Происходящие сегодня глобальные перемены в экономике вызывают потребность пересмотра традиционных представлений о природе фирмы на основе переосмысления мейнстримовского взгляда на собственность. В результате сегодня получают широкое распространение различные версии теории заинтересованных сторон, представители которой возражают против понимания фирмы как средства для максимизации прибыли или богатства собственников-акционеров и утверждают, что распределение прав собственности на основе предоставления приоритета акционерам или любой другой группе заинтересованных сторон является неэффективным решением для управления компанией. В современных исследованиях подчеркивается, что для устойчивого развития фирмы следует ориентировать её деятельность на создание стоимости, соответствующих общественному благу, на основе создания баланса интересов всех взаимодействующих сторон. При этом указывается на концептуальную связь теории заинтересованных сторон и неортодоксального институционализма и предлагается использовать идеи последнего для развития теории заинтересованных сторон (Valentinov, 2023; Stoelhorst & Vishwanathan, 2024).

5. Классическая трудовая теория собственности

В отличие от распространенных теорий собственности в рамках классической политэкономии при разработке трудовой теории собственности использовался парадигмально альтернативный подход с учётом двойственной природы человека и этической традиции Аристотеля. Родоначальником классической трудовой теории собственности считается Дж. Локк (1632–1704), являющийся самым выдающимся и влиятельным мыслителем эпохи Просвещения в области прав собственности. Его знаменитая теория труда утверждает, что при смешивании труда с природой полученные блага должны принадлежать работнику. Дж. Локк считал, что право частной собственности не является абсолютным. Он рассматривал народ верховным субъектом власти; поэтому законодательство, регулирующее взаимоотношения людей, в т. ч. и взаимоотношения по поводу объектов собственности, должно соответствовать общественным интересам (Локк, 1988). Взгляд Локка на частную собственность, как пишут А. Доменеч и М. Дж. Бертомеу, имеет глубокие корни в средневековых юридических традициях. Он исходит из того, что любой базовый ресурс (особенно земля) в соответствии с естественным правом является общим достоянием; частный владелец (а также монарх-общенациональный владелец земли) — это просто попечитель общественного имущества (Domènech & Bertomeu, 2015, p. 251).

Обладающий колоссальным авторитетом А. Смит в соответствии с трудовой теорией собственности утверждал, что самым священным и неприкосновенным правом собственности является право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще (Смит, 2007, с. 167). В современных исследованиях указывается на важность пересмотра упрощённых версий интерпретации наследия А. Смита, который исходил из наличия многообразных интересов и моральных мотивов человека, объясняя на данной основе появление социальных правил, образующих фундамент человеческих сообществ (Hodgson, 2015). Смит часто представляется противником вмешательства государства в экономику. Но в «Богатстве народов» он рассматривал пути роста, создаваемого совокупным трудом нации общественного продукта на основе построения справедливой и эффективной институциональной экономики с активной ролью государства, которое не дает привилегий одним за счет других (Chandra, 2021). А. Смит указывал на противоречивость классовых и общественных интересов и писал, что к предложению класса торговцев или промышленников о принятии какого-либо закона следует относиться осторожно. «Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его» (Смит, 2007, с. 282).

Важнейшие закономерности эволюции экономических систем, исходя из общественной природы собственности, установил К. Маркс. Он подчеркивал, что в отношениях собственности «мы раскрываем …скрытую основу всего общественного строя» (Маркс, 1986, с. 860). Сегодня распространены искаженные интерпретации Марксом эволюции экономических систем и отношений собственности, которые фактически соответствуют представлениям неоинституционалистов об отсутствии защищённых прав собственности в доиндустриальных обществах, управляемых «оседлыми бандитами», уничтожавшими всякие стимулы к развитию экономики. По мнению Маркса, в каждой общественной формации наблюдается развитие производительных сил и рост общественного богатства за счет создания прибавочного продукта до тех пор, пока отношения собственности и производ-

ственные отношения не входят в конфликт с интересами общества. Он критиковал экономистов, для которых существуют только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные; например, феодальные институты – искусственные, буржуазные — естественные (Маркс, 1988, с. 91). Указывая на несостоятельность представления о том, что в аграрных экономиках земельный собственник присваивал весь прибавочный продукт, К. Маркс утверждал, что в феодальных государствах и в государствах, выступающих земельными собственниками, господствующая часть общества была заинтересована в создании институтов, позволяющих оставлять часть прибавочного продукта у производителя, что способствовало экономическому прогрессу (Маркс, 1986, с. 862–863).

Согласно парадигмальной логике классической трудовой теории собственности, развитие экономики происходит вследствие формирования отношений собственности, обеспечивающих производство необходимого обществу совокупного продукта. В связи с этим общество рассматривается как верховный субъект экономических отношений и верховный собственник. Так, в модели простого товарного хозяйства производители являются частными собственниками, однако они в силу двойственности экономических интересов используют находящиеся в их распоряжении средства производства для получения денежного дохода и создания необходимых обществу благ. Следовательно, применяемые средства производства по своей экономической сути являются объектами общественной собственности, а субъекты экономики от имени общества распоряжаются этими объектами в соответствии с рыночно-институциональными правилами. При этом у частных собственников возникает необходимость выполнения общественных обязанностей, связанных с созданием товаров в зависимости от спроса и предложения. При равновесии складывается наибольший уровень производительности труда и общественного благосостояния.

Раскрывая общественную природу собственности, К. Маркс отмечал, что в любом воспроизводственном процессе затраты труда (t) непосредственного производителя должны возместить его расходы на приобретение средств производства (ta) и жизненных средств (tc) (Маркс, 1986, с. 859). При повышении производительность труда возникает прибавочное время (Δt) и соответствующая структура затрат труда, т. е. $t = ta + tc + \Delta t$. В аграрной экономике инвестиционная часть затрат труда была небольшой и обычно возмещалась производителями. Возникающий в индустриальной экономике капиталистический институт собственности приводит к появлению общественной нормы прибыли и превращению стоимости в цену производства. В капиталистической экономике, как пишут Д. Норт и Р. Томас, права собственности создают стимул направлять индивидуальные усилия в деятельность, которая приближает частную норму прибыли к общественной норме (North & Thomas, 1973, p. 1). В современных исследованиях приводится дополнительная историческая и логическая аргументация того, что описание Марксом трансформации стоимости в цену производства было связано с качественными институционально-технологическими изменениями; но это обстоятельство почти полностью игнорируется в дебатах (Saad Filho, 2019; Jefferies, 2021).

Поддержание пропорций в индустриальной экономике в связи с межотраслевыми различиями в капиталовооруженности труда предполагает, как показал Маркс, создание рыночно-институциональных механизмов, которые обеспечивают участие каждого работника в формировании инвестиций общества на основе затрат его труда

(*ti*), включающих затраты на воспроизводство основных средств (*ta*) и их расширенное воспроизводство (Δ*ti*), т. е. $ti = ta + \Delta ti$. В капиталистической экономики общество как владелец совокупного капитала формирует «пучок» прав собственности, исходя из того, что у частных собственников возникает право и обязанность производить конкурентоспособную продукцию в частных и общественных интересах с помощью находящегося в их распоряжении общественного капитала, который является частью общественного богатства, созданного совокупным работником общества.

Открытая К. Марксом долговременная циклическая связь эволюции производительных сил и производственных отношений, которая сопровождается при капитализме процессами циклического обновление капитала, сегодня дополняется разработкой теории длинноволновых циклов развития институционально-технологических укладов, основоположником которой был Н. Кондратьев, а позднее большой вклад внесли Г. Менш, К. Перес, С. Глазьев и др. Их смена происходит в результате исчерпания потенциала роста производительности труда и появления тенденции нормы прибыли к понижению; переход к новому укладу «открывает новые возможности накопления капитала и преодолевает тенденцию понижения средней нормы прибыли, с которой Маркс связывал конец капитализма» (Глазьев, 2024, с. 8).

6. Общественный институт собственности как системообразующая основа формирования институциональной экономики

Современная экономика является эволюционирующей системой нерыночных и рыночных институциональных связей, что порождает сложные проблемы конструирования отношений собственности. В советский период возникли различные подходы к анализу собственности; общественная собственность обычно понималась либо как основное производственное отношение, либо как его экономико-правовая форма. Сегодня пересмотр подходов к анализу собственности осуществляется на основе признания многообразие её форм. При этом многими исследователями отмечается тенденция возрастания значимости общественной собственности, что проявляется в различных формах и актуализирует необходимость изучения конструкции общественной собственности.

Сложившиеся представления об отсутствии общих экономических интересов у субъектов разных форм собственности приводят к появлению различных теоретический описаний отношений между собственником и обществом (государством), а также связи частных и общественных интересов, частной и публичной собственности. Так, в рамках либеральной концепции собственности утверждается, что собственность по своему субстрату (исходной, первородной сути) представляет собой сугубо персонифицированный феномен, т. е. выступает как частная собственность. В связи с этим возникают утверждения о приоритете личного коммерческого интереса собственника.

Разработка представлений отечественными учёными о смысловом содержании понятия собственности и сопряженных с ней прав на основе пересмотра либеральной концепции собственности сегодня часто происходит на основе возврата к идеям таких российских мыслителей, как К.Д. Кавелин (1818–1885), С.Л. Франк (1877–1950) и Н.Н. Алексеев (1879–1964), указывающих на важность рассмотрения отношений собственности как части социальных отношений. При этом взаимосвязь разных её форм объясняется тем, что каждая из них выполняет некото-

рую социальную функцию, поэтому некорректны утверждения о приоритете той или иной формы собственности.

Вместе с тем признание социальной природы собственности не устраняет проблемы создания интегративного подхода, позволяющего отказаться от эклектичных описаний и учитывающего особенности развития национального хозяйства (Ковтун, 2023). В связи с этим академик В. С. Нерсесянц писал, что главным достижением советского периода является беспрецедентная практическая реализация идеи общественной собственности как национального достояния. Собственность была признана общественным благом, в отличие от понятия «функции» в теории «солидаризма». Общественное благо — интегральная величина — генетически не связано с отдельным индивидом, тогда как функция (или роль) принадлежит личности. В период либерально-рыночных реформ социалистическую собственность, призванную обеспечить труженика правом на долю общественных благ в соответствии с его трудовым вкладом, поделили так, будто речь шла не о достоянии народа. В результате возникло представление о собственности как выделенной по «внешнему признаку» некой совокупности отдельных её типов: частная собственность принадлежит отдельным лицам; государственная — государству; муниципальная — органам местного самоуправления и т. д.[1]

Предлагаемый подход к изучению института собственности исходит из потребности в русле идей классической трудовой теории собственности расширения проблемного поля на основе рассмотрения субъектов отношений собственности как носителей одновременно частных и общественных интересов, а общества (народа) — не только верховным субъектом власти, но верховным собственником всех объектов, которые используют обладающие разными правомочиями субъекты экономики. В связи с этим все субъекты национального (народного) хозяйства являются совладельцами общественной собственности, и нужно отказаться от упрощенного разделения их на собственников и несобственников (Бирюков, 2024).

Содержательный смысл понятия общественная (общенародная) собственность связан с тем, что все материальные и нематериальные объекты собственности, используемые для производства общественного продукта, являются составными компонентами национального достояния как интегрированной формы выражения ресурсов национальной экономики. Предлагаемая исследовательская перспектива ориентирована на изучение противоречивого процесса эволюции экономических отношений и форм собственности с учётом того, что данный процесс осуществляется на субстанциональном и институциональном уровнях экономической реальности. На субстанциональном (ценностно-нормативным) уровне в обществе под влиянием новых вызовов происходит переосмысление представлений об экономической целесообразности использования национальных ресурсов в рамках сложившихся отношений собственности и институционального устройства экономики; в результате в ходе достижения ценностного компромисса возникает новое видение траектории развития экономики на основе переформатирования совокупного пучка прав владения общественной собственностью. На институциональном уровне с помощью государства в соответствии с достигнутым ценностным компромиссом создаются новые институциональные правила, регулирующие взаимодействия субъектов по поводу объектов общественной собственности и ориентированные на производство совокупного продукта в соответствии

[1] Нерсесянц, В. С. (2001). *Философия права: учебник для вузов*. Москва: Норма, 652.

со сложившимся балансом частных и общественных интересов с помощью побудительных, ограничительных и принудительных мер (вплоть до экспроприации).

Таким образом, рассматриваемый подход может быть представлен в виде следующей логической схемы:

экономические ценности и интересы общества ==> институциональная структура «пучка» прав и обязанностей использования объектов общественного богатства ==> структура стимулов ==> результат.

Регулируемые государством отношения собственности представляет собой многоуровневую динамическую систему, которая складывается в ходе кооперационных и конкурентных взаимодействий под влиянием разнообразных факторов — культурно-исторических, экологических, технологических, экономических, политических и др. Возникающие в рамках ценностно-нормативного компромисса институциональные модели экономики часто связаны с построением вертикальных и горизонтальных форм взаимодействий субъектов по поводу использования объектов общественной собственности на основе приоритета интересов правящего класса, подавления общественных интересов и превращения их во второстепенный фактор. В связи с этим критики мейнстрима указывают на важность учёта того, что ещё классическая политэкономия рассматривала труд источником прибыли и эксплуатацию как специфику институционального устройства капиталистической экономики (Mattei, 2022).

Современная глобалистко-неоколониальная модель экономики сложилась в условиях исчерпания потенциала развития устаревшего мирохозяйственного уклада и формирования финансовой олигархии, для которой процесс создания финансовых «пузырей» и их «схлопывания» стал важным инструментом перераспределения собственности и обогащения. Фундаментальной спецификой нового мирохозяйственного уклада, как подчеркивает академик С.Ю. Глазьев, является построение системы институционального регулирования экономики, исходя из примата общественных интересов над частными. Это прежде всего выражается в государственном контроле над основными параметрами воспроизводства капитала с помощью механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом создаёт механизмы социального партнерства и применяет институты предпринимательской деятельности, ориентированные не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат. Механизмы государственного регулирования денежными потоками учитывают этические нормы и ограничивают финансирование спекулятивной и аморальной деятельности (Глазьев, 2024, с. 22–23).

Осознание архаичности либеральной теории собственности способствует тому, что сегодня всё чаще в исследованиях указывается на необходимость изменения экономико-правовых систем в соответствии с современными реалиями в русле идей «социальной собственности». При этом отмечается, что во многих европейских и латиноамериканских странах в конституции включен принцип социальной функции собственности, также наблюдается возрастание роли социального подхода в обосновании реформирования публичного и корпоративного права (Денисова, Борисова, 2023; Mayer, 2021). Приоритет общественных интересов над частными отражен в законодательстве многих стран, активно участвующих в формировании интегрального мирохозяйственного уклада (Глазьев, 2024). В связи с этим важными представляются предложения о конституционном закре-

плении принципа социальной функции права собственности и, в связи с этим, усиления социальной направленности всего российского права (Саудаханов, 2021).

Предлагаемое понимание общественной собственности как концептуального ядра экономических отношений ориентирует на проведение системной трансформации сложившейся неолиберальной версии экономико-правовой модели отношений собственности и создание гибких инструментов государственного регулирования в соответствии с динамично меняющимися внутренними и внешними условиями развития российской экономики. При этом важно учитывать необходимость обеспечения комплексности стратегического планирования и формирования благоприятной бизнес-среды, устранения институционального дисбаланса и деструктивных форм бизнеса, передачи государству частных активов при нарушении ограничений на контроль стратегическими компаниями лицами с иностранным гражданством или видом на жительство, а также переформатирования интересов финансового сектора в целях успешного развитие реального сектора экономики.

7. Заключение

В условиях радикальной трансформации современной экономики и поиска адекватной модели её развития актуализируется потребность парадигмального переосмысления сложившихся представлений о собственности, формирующей экономическую основу общества и логику построение его институтов. Распространенные сегодня подходы к анализу собственности опираются на общую парадигму, которая возникла ещё в XIX в. и исходит из эгоистической трактовки экономических интересов частных собственников. В результате институт собственности описывается эклектичными версиями институциональных интерпретаций.

Доминирующая сегодня либеральная (неоинституциональная) теория «пучка» прав собственности основывается на приоритете частных интересов и инструментальном анализе. Она скрывает фундаментальный аспект анализа собственности как общественно-экономического отношения. При этом тиражирование мифических описаний частной собственности в научной и образовательной литературе является ключевым фактором легитимизации либерально-экономической модели. Для отказа от архаичного взгляда на собственность особую значимость приобретает современная волна разработки социальной (неортодоксальной) теории собственности, в рамках которой складывающаяся в обществе архитектура «пучка» прав собственности определяется его ценностями и интересами. Данная теория акцентирует внимание на изучении отношений собственности как части социальных отношений и особой роли государства в их конструировании, что способствует активному практическому использованию её рекомендаций, ориентированных на достижение баланса интересов.

Для формирования системно-целостного видения отношений собственности важное значение имеет использованная в рамках классической трудовой теории собственности познавательная парадигма, в соответствии с которой частные собственники рассматриваются как носители индивидуальных и общественных интересов в силу двойственной природы человека. Поэтому совокупный продукт общества производится на основе формирования экономических отношений собственности в соответствии с интересами общества, выступающим верховным субъектом экономических отношений и верховным собственником.

Предлагаемый исследовательский подход опирается на сложившееся в классической трудовой теории собственности видение общественной собственности как концептуального ядра экономических отношений и согласуется с неортодоксальной трактовкой связи суверенной власти народа с феноменом глубинной общественной собственности (*deep public ownership*). При этом обращается внимание на важность познания особенностей формирования экономических отношений собственности, складывающихся на субстанциональном и институциональном уровнях экономической реальности. На данной основе появляется возможность рассмотрения специфики распределения с помощью государства «пучка» прав собственности и использования общественного богатства с учётом сочетания частных и общественных интересов. Предложенная исследовательская перспектива расширяет проблемное поле и ориентирует на трансформацию отношений собственности и институционального устройства национальной экономики с позиции приоритета интересов общества в соответствии с потребностями перехода к новому мирохозяйственному укладу.

Список источников

Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. А. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты.* Москва: АСТ, 575.

Балацкий, Е. В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки. *AlterEconomics, 22* (1), 6–21. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2

Бирюков, В. В. (2023). Системная парадигма и разработка стратегий построения институциональных экономических теорий. *AlterEconomics, 20*(3), 505–526. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2

Бирюков, В. В. (2024). Развитие национальной экономики как сложной системы: переосмысление роли государства. *AlterEconomics, 21* (2), 230–252. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4

Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2019). Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода. *Вопросы экономики,* (10), 99–114. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-99-114

Гегель, Г. В. Ф. (1990). *Философия права* (Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц). Москва: Мысль, 524.

Глазьев, С. Ю. (2024). О месте социализма в новой мир-системе. *Российский экономический журнал,* (5), 4–31.

Денисова, Е. Л., Борисова, И. Д. (2023). Эволюция понимания принципа неприкосновенности частной собственности в современном праве. *Образование и право,* (7), 128–132. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-129-132

Дюги, Л. (1919). *Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона.* Москва: Гос. изд-во, 116.

Егоров, Г. В. (2025). Институциональный фундамент долгосрочного экономического развития (Нобелевская премия по экономике 2024 года). *Вопросы экономики,* (1), 32–43. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-32-43

Капелюшников, Р. И. (2019а). Contra панинституционализм. Часть I. *Вопросы экономики,* (7), 119–146. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-119-146

Капелюшников, Р. И. (2019б). Contra панинституционализм. Часть II. *Вопросы экономики,* (8), 98–126. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-98-126

Ковтун, С. П. (2023). Цивилитарное право и гражданская собственность в либертарно-юридической теории права В. С. Нерсесянца. *Социально-экономическое управление: теория и практика, 19* (2), 49–59. https://doi.org/10.22213/2618-9763-2023-2-49-59

Локк, Дж. (1988). *Сочинения* (В 3 т. Т. 3). Москва: Мысль, 668.

Маркс, К. (1988). *Капитал* (Т. 1. Кн. 1). Москва: Политиздат, 891.

Маркс, К. (1986). *Капитал* (Т. 3. Кн. 3. Ч. 2). Москва: Политиздат, 1080.

Мартышин, О. В. (2018). К истории понятия «государство». *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),* (4), 37–48. https://doi.org/%2010.17803/2311-5998.2018.44.4.037-048

Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* Москва: Изд-во Института Гайдара, 408.

Полтерович, В. М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура?. *Вопросы экономики,* (11), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26

Саудаханов, М. В. (2021). Социальная функция частной собственности: понятие и содержание в конституционном праве России и зарубежных государств. *Государственная служба и кадры,* (5), 101–105.

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов.* Москва: Эксмо, 1056.

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2021). Culture, institutions and social equilibria: A framework. *NBER Working Paper No. w28832.* https://doi.org/10.3386/w28832

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2022). Non-modernization: Power–culture trajectories and the dynamics of political institutions. *Annual Review of Political Science, 25* (1), 323–339. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-103913

Alexander, G. S. (2018). *Property and Human Flourishing.* Oxford: Oxford University Press, 392. https://doi.org/10.1093/oso/9780190860745.001.0001

Babie, P., & Viven-Wilksch, J. (Eds.) (2019). *Léon Duguit and the Social Obligation Norm of Property: A Translation and Global Exploration.* Singapore: Springer Nature, 440. http://dx.doi.org/10.1007/978-981-13-7189-9

Bosselmann, K. (2024). Private Property and Public Commons: Narrowing the Gap. *Ecological Civilization, 1* (1), 10002. http://dx.doi.org/10.35534/ecolciviliz.2023.10002

Bromley, D. W. (2019). *Possessive Individualism: A Crisis of Capitalism.* New York: Oxford University Press, 308.

Calo, A., Sippel, S. R., Kay, S., Perrin, C., & Shields, K. (2024). Transforming land for sustainable food: Emerging contests to property regimes in the Global North. *Elementa: Science of the Anthropocene, 12* (1), 00028. https://doi.org/10.1525/elementa.2024.00028

Chandra, R. (2021). Adam Smith, Allyn Young, Amartya Sen and the Role of the State. *History of Economics Review, 78* (1), 17–43. https://doi.org/10.1080/10370196.2020.1863005

Claassen, R. (2024). Property as power: A theory of representation. *Journal of Social Philosophy.* https://doi.org/10.1111/josp.12587

Crawford, C. (2011). The Social Function of Property and the Human Capacity to Flourish. *Fordham Law Review, 80* (3), 1089–1134. http://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol80/iss3/5 (дата обращения: 23.09.2024).

Deakin, S. (2009). Legal Origin, Juridical Form and Industrialization in Historical Perspective: The Case of the Employment Contract and the Joint-Stock Company. *Socio-Economic Review, 7* (1), 35–65. https://doi.org/10.1093/ser/mwn019

Deakin, S., Gindis, D, Hodgson, G. M., Kainan, H., & Pistor, K. (2017). Legal Institutionalism: Capitalism and the Constitutive Role of Law. *Journal of Comparative Economics, 45* (1), 188–200. http://dx.doi.org/10.1016/j.jce.2016.04.005

Dehaibi, L. (2024). *Property, Power and Human Rights.* Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 282. https://doi.org/10.4337/9781035313914

Di Robilant, A. (2023). *The Making of Modern Property: Reinventing Roman Law in Europe and its Peripheries 1789–1950.* Cambridge: Cambridge University Press, 380. https://doi.org/10.1017/9781108859844

Domènech, A., & Bertomeu, M. J. (2015). Property, Freedom and Money: Modern Capitalism Reassessed. *European Journal of Social Theory, 19* (2), 245–263. https://doi.org/10.1177/1368431015600022

Grajzl, P., & Murrell, P. (2021a). A Machine-Learning History of English Caselaw and Legal Ideas Prior to the Industrial Revolution I: Generating and Interpreting the Estimates. *Journal of Institutional Economics, 17* (1), 1–19. https://doi.org/10.1017/S1744137420000326

Grajzl, P., & Murrell, P. (2021b). A Machine-Learning History of English Caselaw and Legal Ideas Prior to the Industrial Revolution II: Applications. *Journal of Institutional Economics, 17* (2), 201–216. http://dx.doi.org/10.1017/S1744137420000363

Herfeld, C., Lisciandra, C., & Martini, C. (2023). The soul of economics: editorial. *Journal of Economic Methodology, 30* (2), 71–79. https://doi.org/10.1080/1350178X.2023.2209763

Hingl, K., & Shera, M. (2025). Ideas, institutions, and incompleteness. *Journal of Institutional Economics, 21,* e8. https://doi.org/10.1017/S1744137424000365

Hodgson, G. M. (2015). Much of the 'economics of property rights' devalues property and legal rights. *Journal of Institutional Economics, 11* (4), 683–709. https://doi.org/10.1017/S1744137414000630

Hodgson, G. M. (2017). 1688 and All That: Property Rights, the Glorious Revolution and the Rise of British Capitalism. *Journal of Institutional Economics, 13* (1), 79–107. https://doi.org/10.1017/S1744137416000266

Hodgson, G. M. (2021). Financial Institutions and the British Industrial Revolution: Did Financial Underdevelopment Hold Back Growth?. *Journal of Institutional Economics, 17* (3), 429–448. https://doi.org/10.1017/S174413742000065X

Hodgson, G. M. (2022). Culture and institutions: A review of Joel Mokyr's A Culture of Growth. *Journal of Institutional Economics, 18* (1), 159–168. https://doi.org/10.1017/S1744137421000588

Jefferies, W. (2021). Marx's Forgotten Transformation Solution: the Transformation of Values into Prices of Production in Marx's Grundrisse and Maksakovsky's the Capitalist Cycle. *History of Economics Review, 80* (1), 18–37. https://doi.org/10.1080/10370196.2021.1952004

Laín, B., & Manjarín, E. (2022). Private, Public and Common: Republican and Socialist Blueprints. *Theoria, 69* (171), 49–73. https://doi.org/10.3167/th.2022.6917104

Lametti, D. (2003). The Concept of Property: Relations Through Objects of Social Wealth. *University of Toronto Law Journal, 53* (4), 325–378. https://doi.org/10.2307/3650892

Mattei, C. (2022). *The Capital Order. How Economists Invented Austerity and Paved the Way to Fascism*. Chicago: The University of Chicago Press, 480.

Mayer, C. (2021). The future of the Corporation and the economics of purpose. *Journal of Management Studies, 58* (3), 887–901. https://doi.org/10.1111/joms.12660

McCloskey, D. (2023). The statist neo-institutionalism of Acemoglu and Robinson. *Journal of Public Finance and Public Choice, 38* (2), 175–204. https://doi.org/10.1332/251569121X16197097662211

Mokyr, J. (2018). Bottom up or top-down? The Origins of the Industrial Revolution. *Journal of Institutional Economics, 14* (6), 1003–1024. https://doi.org/10.1017/S174413741700042X

Mualam, N., & Sotto, D. (2020). From Progressive Property to Progressive Cities: Can Socially Sustainable Interpretations of Property Contribute toward Just and Inclusive City-Planning? Global Lessons. *Sustainability, 12* (11), 4472. https://doi.org/10.3390/su12114472

Murtazashvili, I. (2023). Property rights rule: comments on Bart Wilson's 'The primacy of property; Or, the subordination of property rights. *Journal of Institutional Economics, 19* (2), 280–284. https://doi.org/10.1017/S1744137422000352

Nili, S. (2019). The Idea of Public Property. *Ethics, 129* (2), 344–369. https://doi.org/10.1086/700033

Nili, S. (2023). *Philosophizing the indefensible: Strategic political theory.* New York: Oxford University Press, 224. https://doi.org/10.1093/oso/9780198872160.001.0001

Nili, S. (2024). Précis of Philosophizing the Indefensible. *Analyse & Kritik, 46* (2), 249–256. https://doi.org/10.1515/auk-2024-2018

North, D. C., & Thomas, R. P. (1973). *The Rise of the Western World: A New Economic History.* New York: Cambridge University Press, 170.

Ogilvie, Sh., & Carus, A. W. (2014). Chapter 8: Institutions and economic growth in historical perspective. *Handbook of economic growth, 2,* 403–513. http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00008-3

Rodrik, D. (2014). When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations. *Journal of Economic Perspectives, 28* (1), 189–208. https://doi.org/10.1257/jep.28.1.189

Saad Filho, A. (2019). *Value and Crisis: Essays on Labour, Money and Contemporary Capitalism*. Leiden; Boston: Brill, 373. https://doi.org/10.1163/9789004393202

Sabri, R., Tabash, M. I., Abousamak, A., Daniel, L. N., & Asadullah, M. (2024). Ownership structures and corporate governance: A systematic analysis. *Journal of Governance & Regulation, 13* (1 Special issue), 416–433. http://dx.doi.org/10.22495/jgrv13i1siart15

Singer, J. W. (2014). Property as the Law of Democracy. *Duke Law Journal, 63,* 1287–1335.

Stoelhorst, J. W., & Vishwanathan, P. (2024). Beyond primacy: A stakeholder theory of corporate governance. *Academy of Management Review, 49* (1), 107–134. https://doi.org/10.5465/amr.2020.0268

Terrill, L. (2024). Chapter 15: Property theory's neglect of non-private property. In C. Bevan (Ed.), *Research Handbook on Property, Law and Theory* (pp. 231–246). Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9781802202069.00023

Valentinov, V. (2023). Stakeholder Theory: Toward a Classical Institutional Economics Perspective. *Journal of Business Ethics, 188* (1), 75–88 https://doi.org/10.1007/s10551-022-05304-w

Walsh, R. (2021). *Property rights and social justice: progressive property in action*. Cambridge: Cambridge University Press, 307. https://doi.org/10.1017/9781108551373

References

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2015). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety [Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty]*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2021). Culture, institutions and social equilibria: A framework. *NBER Working Paper No. w28832*. https://doi.org/10.3386/w28832

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2022). Non-modernization: Power–culture trajectories and the dynamics of political institutions. *Annual Review of Political Science, 25* (1), 323–339. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-103913

Alexander, G. S. (2018). *Property and Human Flourishing*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780190860745.001.0001

Babie, P., & Viven-Wilksch, J. (Eds.) (2019). *Léon Duguit and the Social Obligation Norm of Property: A Translation and Global Exploration*. Springer Nature. http://dx.doi.org/10.1007/978-981-13-7189-9

Balatsky, E. V. (2025). On the Verge of a New Economic Science Paradigm. *AlterEconomics, 22* (1), 6–21. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2 (In Russ.)

Biryukov, V. V. (2023). System Paradigm and Development of Alternative Strategies in Constructing Institutional Economic Theories. *AlterEconomics, 20* (3), 505–526. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2 (In Russ.)

Biryukov, V. V. (2024). State and Development of the National Economy as a Complex System: Revising Paradigmatic Foundations. *AlterEconomics, 21* (2), 230–252. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4 (In Russ.)

Bosselmann, K. (2024). Private Property and Public Commons: Narrowing the Gap. *Ecological Civilization, 1* (1), 10002. http://dx.doi.org/10.35534/ecolciviliz.2023.10002

Bromley, D. W. (2019). *Possessive Individualism: A Crisis of Capitalism*. Oxford University Press.

Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2019). Economic development as a change of qualitatively different systems of social and economic relations: To a critique of "pan-institutionalism" and "ideational" approach. *Voprosy Ekonomiki,* (10), 99–114. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-99-114 (In Russ.)

Calo, A., Sippel, S. R., Kay, S., Perrin, C., & Shields, K. (2024). Transforming land for sustainable food: Emerging contests to property regimes in the Global North. *Elementa: Science of the Anthropocene, 12* (1), 00028. https://doi.org/10.1525/elementa.2024.00028

Chandra, R. (2021). Adam Smith, Allyn Young, Amartya Sen and the Role of the State. *History of Economics Review, 78* (1), 17–43. https://doi.org/10.1080/10370196.2020.1863005

Claassen, R. (2024). Property as power: A theory of representation. *Journal of Social Philosophy*. https://doi.org/10.1111/josp.12587

Crawford, C. (2011). The Social Function of Property and the Human Capacity to Flourish. *Fordham Law Review, 80* (3), 1089–1134. http://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol80/iss3/5 (Date of access: 23.09.2024).

Deakin, S. (2009). Legal Origin, Juridical Form and Industrialization in Historical Perspective: The Case of the Employment Contract and the Joint-Stock Company. *Socio-Economic Review, 7* (1), 35–65. https://doi.org/10.1093/ser/mwn019

Deakin, S., Gindis, D., Hodgson, G. M., Huang, K., & Pistor, K. (2017). Legal institutionalism: Capitalism and the constitutive role of law. *Journal of Comparative Economics, 45* (1), 188–200. https://doi.org/10.1016/j.jce.2016.04.005

Dehaibi, L. (2024). *Property, Power and Human Rights*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 282. https://doi.org/10.4337/9781035313914

Denisova, E. L., & Borisova, I. D. (2023). Evolution of understanding of the principle of inviolability of private property in modern law. *Obrazovanie i pravo [Education and Law],* (7), 128–132. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-129-132 (In Russ.)

Di Robilant, A. (2023). *The Making of Modern Property: Reinventing Roman Law in Europe and its Peripheries 1789–1950*. Cambridge: Cambridge University Press, 380. https://doi.org/10.1017/9781108859844

Domènech, A., & Bertomeu, M. J. (2015). Property, Freedom and Money: Modern Capitalism Reassessed. *European Journal of Social Theory, 19* (2), 245–263. https://doi.org/10.1177/1368431015600022

Dugi, L. (1919). *Obshchie preobrazovaniya grazhdanskogo prava so vremeni kodeksa Napoleona [General transformations of Civil Law since the time of the Code of Napoleon]*. Moscow: State Publishing House. (In Russ.)

Egorov, G. V. (2025). Institutional fundamentals of long-run economic development (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2024). *Voprosy Ekonomiki* (1), 32–43. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-32-43 (In Russ.)

Glazyev, S. Yu. (2024). On the place of socialism in the new world-system. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal],* (5), 4–31. (In Russ.)

Grajzl, P., & Murrell, P. (2021a). A Machine-Learning History of English Caselaw and Legal Ideas Prior to the Industrial Revolution I: Generating and Interpreting the Estimates. *Journal of Institutional Economics, 17* (1), 1–19. https://doi.org/10.1017/S1744137420000326

Grajzl, P., & Murrell, P. (2021b). A Machine-Learning History of English Caselaw and Legal Ideas Prior to the Industrial Revolution II: Applications. *Journal of Institutional Economics, 17* (2), 201–216. http://dx.doi.org/10.1017/S1744137420000363

Hegel, G. V. F. (1990). *Filosofiya prava [Philosophy of law]* (D. A. Kerimov & V. S. Nersesyants, Ed. & Trans.). Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)

Herfeld, C., Lisciandra, C., & Martini, C. (2023). The soul of economics: editorial. *Journal of Economic Methodology, 30* (2), 71–79. https://doi.org/10.1080/1350178X.2023.2209763

Hingl, K., & Shera, M. (2025). Ideas, institutions, and incompleteness. *Journal of Institutional Economics, 21,* e8. https://doi.org/10.1017/S1744137424000365

Hodgson, G. M. (2015). Much of the 'economics of property rights' devalues property and legal rights. *Journal of Institutional Economics, 11* (4), 683–709. https://doi.org/10.1017/S1744137414000630

Hodgson, G. M. (2017). 1688 and All That: Property Rights, the Glorious Revolution and the Rise of British Capitalism. *Journal of Institutional Economics, 13* (1), 79–107. https://doi.org/10.1017/S1744137416000266

Hodgson, G. M. (2021). Financial Institutions and the British Industrial Revolution: Did Financial Underdevelopment Hold Back Growth?. *Journal of Institutional Economics, 17* (3), 429–448. https://doi.org/10.1017/S174413742000065X

Hodgson, G. M. (2022). Culture and institutions: A review of Joel Mokyr's A Culture of Growth. *Journal of Institutional Economics, 18* (1), 159–168. https://doi.org/10.1017/S1744137421000588

Jefferies, W, (2021). Marx's Forgotten Transformation Solution: The Transformation of Values into Prices of Production in Marx's Grundrisse and Maksakovsky's the Capitalist Cycle. *History of Economics Review, 80* (1), 18–37. https://doi.org/10.1080/10370196.2021.1952004

Kapeliushnikov, R. I. (2019a). Contra pan-institutionalism. Part I. *Voprosy ekonomiki* (7), 119–146. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-119-146 (In Russ.)

Kapeliushnikov, R. I. (2019b). Contra pan-institutionalism. Part II. *Voprosy Ekonomiki,* (8), 98–126. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-98-126 (In Russ.)

Kovtun, S. P. (2023). Civil Law and Civil Property in the libertarian theory of law by V. S. Nersesyants. *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika, 19* (2), 49–59. https://doi.org/10.22213/2618-9763-2023-2-49-59 (In Russ.)

Laín, B., & Manjarín, E. (2022). Private, Public and Common: Republican and Socialist Blueprints. *Theoria, 69* (171), 49–73. https://doi.org/10.3167/th.2022.6917104

Lametti, D. (2003). The Concept of Property: Relations Through Objects of Social Wealth. *University of Toronto Law Journal, 53* (4), 325–378. https://doi.org/10.2307/3650892

Locke, J. (1988). *Sochineniya [Collected Works]* (In 3 vol. Vol. 3). Moscow: Mysl' Publ., 668. (In Russ.)

Martyshin, O. V. (2018). The History of the Generation of the Concept of "State". *Vestnik Universiteta Imeni O. E. Kutafina (MPOA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)],* (4), 37–48. https://doi.org/%2010.17803/2311-5998.2018.44.4.037-048 (In Russ.)

Marx, K. (1986). *Kapital [Capital]*. (Vol. 3. Book 3. Part 2). Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Marx, K. (1988). *Kapital [Capital]*. (Vol. 1. Book 1). Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Mattei, C. (2022). *The Capital Order. How Economists Invented Austerity and Paved the Way to Fascism*. The University of Chicago Press.

Mayer, C. (2021). The future of the Corporation and the economics of purpose. *Journal of Management Studies, 58* (3), 887–901. https://doi.org/10.1111/joms.12660

McCloskey, D. (2023). The statist neo-institutionalism of Acemoglu and Robinson. *Journal of Public Finance and Public Choice, 38* (2), 175–204. https://doi.org/10.1332/251569121X16197097662211

Mokyr, J. (2018). Bottom up or top-down? The Origins of the Industrial Revolution. *Journal of Institutional Economics, 14* (6), 1003–1024. https://doi.org/10.1017/S174413741700042X

Mualam, N., & Sotto, D. (2020). From Progressive Property to Progressive Cities: Can Socially Sustainable Interpretations of Property Contribute toward Just and Inclusive City-Planning? Global Lessons. *Sustainability, 12* (11), 4472. https://doi.org/10.3390/su12114472

Murtazashvili, I. (2023). Property rights rule: comments on Bart Wilson's 'The primacy of property; Or, the subordination of property rights. *Journal of Institutional Economics, 19* (2), 280–284. https://doi.org/10.1017/S1744137422000352

Nili, S. (2019). The Idea of Public Property. *Ethics, 129* (2), 344–369. https://doi.org/10.1086/700033

Nili, S. (2023). *Philosophizing the indefensible: Strategic political theory.* Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198872160.001.0001

Nili, S. (2024). Précis of Philosophizing the Indefensible. *Analyse & Kritik, 46* (2), 249–256. https://doi.org/10.1515/auk-2024-2018

North, D. C., & Thomas, R. P. (1973). *The Rise of the Western World: A New Economic History.* Cambridge University Press.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]*. Moscow: Gaidar Institute Publishing. (In Russ.)

Ogilvie, Sh., & Carus, A. W. (2014). Chapter 8: Institutions and economic growth in historical perspective. *Handbook of economic growth, 2,* 403–513. http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00008-3

Polterovich, V. M. (2018). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or culture?. *Voprosy ekonomiki,* (11), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26 (In Russ.)

Rodrik, D. (2014). When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations. *Journal of Economic Perspectives, 28* (1), 189–208. https://doi.org/10.1257/jep.28.1.189

Saad Filho, A. (2019). *Value and Crisis: Essays on Labour, Money and Contemporary Capitalism*. https://doi.org/10.1163/9789004393202

Sabri, R., Tabash, M. I., Abousamak, A., Daniel, L. N., & Asadullah, M. (2024). Ownership structures and corporate governance: A systematic analysis. *Journal of Governance & Regulation, 13* (1 Special issue), 416–433. http://dx.doi.org/10.22495/jgrv13i1siart15

Saudakhanov, M. V. (2021). The social function of private property: the concept and content in the constitutional law of Russia and foreign states. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry [State service and personnel],* (5), 101–105. (In Russ.)

Singer, J. W. (2014). Property as the Law of Democracy. *Duke Law Journal, 63,* 1287–1335.

Smith, A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]*. Moscow: Eksmo Publ., 1056. (In Russ.)

Stoelhorst, J. W., & Vishwanathan, P. (2024). Beyond primacy: A stakeholder theory of corporate governance. *Academy of Management Review, 49* (1), 107–134. https://doi.org/10.5465/amr.2020.0268

Terrill, L. (2024). Chapter 15: Property theory's neglect of non-private property. In C. Bevan (Ed.), *Research Handbook on Property, Law and Theory* (pp. 231–246). Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9781802202069.00023

Valentinov, V. (2023). Stakeholder Theory: Toward a Classical Institutional Economics Perspective. *Journal of Business Ethics, 188* (1), 75–88 https://doi.org/10.1007/s10551-022-05304-w

Walsh, R. (2021). *Property rights and social justice: progressive property in action.* Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108551373

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления, Омская гуманитарная академия; https://orcid.org/0000-0002-3385-3603 (Российская Федерация, 644105, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, д. 2А; e-mail: sciencebvv@gmail.com).

About the author

Vitaly V. Biryukov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy; https://orcid.org/0000-0002-3385-3603 (2A, 4th Chelyuskintsev St., Omsk, 644105, Russian Federation; e-mail: sciencebvv@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 08.04.2025.
Прошла рецензирование: 16.07.2025.
Принято решение о публикации: 03.09.2025.
Received: 08 Apr 2025.
Reviewed: 16 Jul 2025.
Accepted: 03 Sep 2025.